

Этот человек говорил сплошные нелепости, но Сяо Юйшань не мог найти слов для возражения. Ему только и хотелось, как заклеить этот рот клеем. Однако, подняв глаза, он увидел раздражающее выражение лица собеседника, и по непонятной причине его сердце дрогнуло. Все слова, которые он собирался произнести, застряли в горле, и вместо этого он сказал:

— Кто позволил тебе болтать всякий вздор?

Сяо Юйшань не любил, когда упоминали его детское имя, и придворные избегали этого, но Чу Циюнь, обладая невероятной смелостью, всегда любил подшучивать над этим, намеренно искажая смысл:

— Я говорю от всего сердца, разве это вздор?

— Ты только что назвал кого-то Юй... — начал Сяо Юйшань, но вдруг замолчал, осознав. — Ах, вот как! Чуть не попался на твою уловку, ты специально дразнишь меня!

— Неверно, неверно! — поспешно возразил Чу Циюнь, но прежде чем он успел продолжить, снаружи послышался голос евнуха Вана:

— Господин Ань вернулся во дворец.

Внутри покоев оба обменялись взглядами, словно читая мысли друг друга. Чу Циюнь, поняв намек, убрал улыбку с лица, вышел из комнаты и отправился к Е Вэньцину для аудиенции с императором.

Вскоре Ань Фэн уже стоял перед Сяо Юйшанем, его лицо, как всегда, было холодным, как лёд. На этот раз Ань Фэн вернулся, официально заявив, что это обычный доклад, но на самом деле он принёс важное сообщение.

Оказывается, когда Ань Фэн начал расследование, он не стал сразу обращаться к руднику Сяошань, а вместо этого тщательно допросил задержанных. В настоящее время трое лидеров, подстрекавших к бунту, исчезли, а оставшиеся задержанные были лишь мелкими соучастниками. Когда Е Вэньцин допрашивал их, он не нашёл ничего полезного, но Ань Фэн, недавно возобновив допросы, обнаружил нечто необычное.

Накануне Ань Фэн допрашивал задержанных ночью и услышал, как один из них случайно упомянул, что бунт длился чуть больше часа, был быстро подавлен, и рудник не понёс ущерба.

Сотни каторжников, большинство из которых были молодыми мужчинами, и князь Цзиньань смог подавить бунт за час — это казалось слишком удачным. Ань Фэн, не подавая виду, запомнил подозрительные детали и утром снова допросил нескольких человек, каждый раз случайно упоминая этот факт, и получил схожие показания.

— После этого я тайно проверил состав охраны рудника Сяошань и обнаружил нечто странное, — сказал Ань Фэн, который, хотя и был прямолинеен, не был глуп и в важных делах проявлял исключительную внимательность. — Перед бунтом каторжников на руднике увеличили количество охраны, каждый раз добавляя два-три человека. Так, постепенно, втайне было добавлено немало людей.

— Похоже, это подтверждает, что дело было спланировано, — сказал Сяо Юйшань, не удивившись услышанному, так как всё было в его ожиданиях.

Планирование бунта накануне амнистии, но без желания потерять контроль над рудником, ясно указывало на намерение поставить Сяо Юйшаня в затруднительное положение. Замысел был коварен, но в то же время оставлял следы: кто, кроме семьи князя Цзиньань, больше всего не хотел потерять контроль над рудником Сяошань?

— Сяо Юйцун не мог просто так перебросить войска, — сказал Сяо Юйшань, лицо его омрачилось, как будто покрылось тучами.

В столице солдаты могли быть перемещены без доклада и затем незаметно возвращены на место. Услышав это, любой бы испугался. Для Сяо Юйшаня это было словно меч, висящий над головой, или тигр, спящий в его постели.

Ань Фэн был обеспокоен, как и Е Вэньцин. Это дело было похоже на попытку пробить небо, и оба не решались говорить об этом открыто.

— Пока об этом не говорите, распространите другую новость, — после раздумий Сяо Юйшань посмотрел на Е Вэньцина, его намерение было очевидным.

Е Вэньцин поспешно поклонился, а Ань Фэн, увидев это, понял, но не мог удержаться от вопроса:

— Время уже подходящее?

Сяо Юйшань не стал объяснять, сказав кратко:

— Естественно.

Возможно, из личных соображений, Ань Фэн всё ещё сомневался:

— Но господин Е...

— Господин Ань, Его Величество прав, время уже подходящее, — Е Вэньцин посмотрел на него, на лице его была лёгкая улыбка, словно он только что вернулся с того света, а не сам пережил это. — Я пропадал уже пять дней, и те, кто стоит за этим, наверняка думают, что могут спать спокойно. Если сейчас распространить новость, они обязательно выдадут себя.

Слова Е Вэньцина были разумны и соответствовали намерениям Сяо Юйшаня. Ань Фэн, посмотрев на них обоих, понял, что решение уже принято.

Е Вэньцин всегда был полон амбиций, и заставить его жить в уединении и спокойствии было бы унижением. В конце концов, Ань Фэн мог только вздохнуть в душе и поклониться, принимая приказ.

Ань Фэн с детства был спутником Сяо Юйшаня, они росли вместе десятилетиями, и Сяо Юйшань мог с первого взгляда понять большую часть его мыслей. Но Е Вэньцин не был птенцом, которому постоянно нужна защита. Если он решил стать орлом, готовым взлететь, Сяо Юйшань был рад помочь ему.

Но вот Ань Фэн с его деревянной головой — почему бы ему не уделить хоть немного своего таланта к расследованиям романтическим делам?

Сяо Юйшань вдруг вспомнил о Чу Циуне. Если бы тот мог уделить хоть немного своего таланта к романтике серьёзным делам, он бы наверняка справился с чем угодно.

Когда обсуждение закончилось, и Ань Фэн с Е Вэньцином вышли из комнаты, Чу Циюнь всё ещё ждал снаружи, не уходя ни на мгновение. Евнух Ван стоял по другую сторону, видя эту сцену, он проявил свою проницательность и, улыбнувшись Чу Циюню, сказал:

— Почему вы, даос Чу, ещё не вошли?

Чу Циюнь, поняв намёк, улыбнулся в ответ, поклонился евнуху Вану, переступил через красный порог и снова вошёл внутрь. Сяо Юйшань стоял у окна, глядя на прекрасную весеннюю природу за окном, но его лицо было мрачным, оставляя комнату в тишине.

Чу Циюнь, лишь мельком взглянув, понял, что Сяо Юйшань был озабочен, и неуместные шутки сейчас были не к месту. Поэтому он развернулся и снова вышел, вероятно, придумав какую-то странную идею.

Дело с рудником ещё не было тщательно расследовано, но уже выявило шокирующие тайны: сначала человек, назначенный для расследования, упал с утёса, затем исчезли следы руды, и, наконец, солдаты могли быть тайно перемещены.

Каждое из этих трёх событий само по себе было шокирующим делом, но бунт на руднике связал их воедино. Интересы знатных семей сплетались в сеть, способную закрыть даже светлый день.

Сейчас был полдень, снаружи была прекрасная весенняя погода, солнечный свет был как рассыпанное золото, а небо было ясным и чистым. Но Сяо Юйшань видел лишь надвигающуюся бурю.

Раздался лёгкий скрип дверных петель, и кто-то медленно подошёл сзади. Сяо Юйшань, даже не оборачиваясь, знал, кто это был. Он приоткрыл губы, собираясь что-то сказать, чтобы развеять мрак и раздражение, но увидел, как перед ним появилась чашка чая.

Чу Циюнь держал чёрный деревянный поднос, улыбнулся ему, не говоря ни слова, и предложил императору попробовать.

Сяо Юйшань, полный подозрений, приподнял крышку чашки и вдохнул насыщенный аромат, который наполнил его ноздри, и мысли его унеслись в детство.

Когда ему было шесть лет, отец отправил его в храм Сюйхэ для лечения. Он до сих пор помнил, как после того, как жар спал, он впервые выпил чай, который подал ему Чу Циюнь.

Сяо Юйшань опустил взгляд на чашку, увидев, как в воде распускаются золотые хризантемы, а красные ягоды годжи плавают в белой глазури, создавая картину, достойную быть нарисованной.

Раньше, в храме Сюйхэ, всё было не так изысканно, использовались чёрные керамические чашки, и не было видно заботы, вложенной в чай. Сяо Юйшань помнил, как тогда его губы были сухими, и он, испытывая жажду, пил из чашки, как телёнок, и только после того, как чай был выпит, ощутил сладость.

Этот вкус был невероятно сладким, превосходящим даже нектар, и он не мог его забыть до сих пор.

Чу Циюнь взмахнул своим хвостом и начал рассказывать о чае, как о сокровище:

— Годжи улучшает зрение, хризантемы снимают жар, мёд очищает печень — всё это подходит для Вашего нынешнего состояния.

Сяо Юйшань уже выпил чай, поставил чашку и спросил серьёзно:

— Откуда ты понял, что мне нужно снять жар?

— Я, даос, умею гадать, и с первого взгляда понял, что Вас что-то беспокоит, — сказал Чу Циюнь, слова его были легкомысленны, но тон серьёзен. — Я подумал, что, не имея способности управлять государством или умиротворять страну, могу хотя бы сделать что-то полезное, чтобы облегчить Ваши заботы.

Хотя дело было мелким, в нём была глубокая мысль, скрывающая множество невысказанных чувств, которые, если вдуматься, были слаще мёда в чашке.

Мрак в сердце Сяо Юйшаня рассеялся, и он улыбнулся. Эта сцена была словно облака, расступившиеся перед луной.

Одиннадцать. Первые намёки (часть вторая)

За одну ночь слухи снова распространились, и литераторы, любящие критиковать текущие события, не могли удержаться, начав обсуждать дело рудника Сяошань.

<http://bllate.org/book/16210/1455378>